

РОССИЯ – ИЗРАИЛЬ: КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ И АССОЦИАЦИИ

Анастасия Коцарь
Владимир Соловьев

В статье представлены описание и философский анализ истории и перспектив многогранного российско-израильского культурного диалога, демонстрируется его непрерывность на протяжении длительного времени развития двух народов. Заострено внимание на том, каким образом природно-ландшафтные достопримечательности и памятники истории и культуры Израиля составляют органическую часть русской культуры, когда и как они оказались с ней связаны, в чем их значимость и актуальность в национальном культурном наследии России и как они соотносятся и перекликаются в диалоге культур, идейно-философская и художественно-эстетическая близость которых прослеживается в представлениях о мире и человеке, особой миссии и судьбах обеих стран и своеобразном пути, предопределенном для них самой историей. Анализируемый авторами статьи фактический материал свидетельствует о наличии обширного круга сближающих русскую и израильскую культуры исторических параметров, параллелей и точек соприкосновения, создающих богатый потенциал для укрепления и развития межкультурной коммуникации, а также стимулирующих взаимную заинтересованность в обмене культурным опытом на официальном и бытовом уровнях. Статья может быть использована как практический ориентир в сфере поиска общих культурных смыслов для оптимизации дипломатических отношений между двумя странами, планирования и прикладного прогнозирования социально-культурного сотрудничества в условиях нарастающей глобализации.

Ключевые слова: культурная география, артефакты, памятники истории и культуры, культурные паттерны, бикультурная идентичность, массовая культура.

© Коцарь А.О., 2020
© Соловьев В.М., 2020

Московский государственный
лингвистический университет
СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН

The article presents a description and philosophical analysis of the history and prospects of the multifaceted Russian-Israeli cultural dialogue, demonstrates its continuity over a long period of the development of the two peoples. Much attention is focused on considering the way some natural landscape sights and monuments of the history and culture of Israel became an organic part of Russian culture, when and how they turned out to be connected with it, what their significance and relevance are in the national cultural heritage of Russia and how they relate to each other and overlap in the dialogue of cultures. The authors stress that Russian and Israeli cultures can be regarded as quite similar to each other in some respects, first of all ideologically, philosophically, artistically, and aesthetically, because both of them rely upon the same ideas of the world and man, the ideology of a special mission and destiny of the country as well as on the belief that their historical development is predetermined by a higher power. The factual material gathered and analyzed by the authors of the article enables them to conclude that there is a wide range of historical parameters, parallels and points of contact that bring Russian and Israeli cultures closer together, stimulate an intercultural communication and revive a mutual interest in the exchange of cultural achievements. The article can be used as a practical guide in the search for common cultural values to optimize and develop the diplomatic relations between the two countries, it might help to plan and forecast socio-cultural cooperation in the context of increasing globalization.

Keywords: cultural geography, artifacts, monuments of history and culture, cultural patterns, bicultural identity, mass culture.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.126>

Введение

Понятие «география культуры», или «культурная география», введено в научный оборот как категория локализации при исследовании фактов и явлений, представляющих несомненный интерес при определении на пестрой карте мира точек и регионов, занимающих в том или ином социуме особое положение и не вписывающихся в общие страноведческие характеристики. Как направление социально-экономической географии, изучающее пространственные культурные различия и территориальное распределение культур, этот раздел науки начал складываться с 1930-х годов и сейчас представляет собой вполне самостоятельный с науковедческой точки зрения домен [6].

При сравнительно большом заделе исследований, предпринятых в географическом русле, результаты культурологических работ того же профиля значительно скромнее. Между тем, собственно культурология располагает достаточным потенциалом, чтобы параллельно, но в рамках этой дисциплины внести свою лепту в освещение культурного многообразия мира. Так, сейчас открылись отличные перспективы для предметного изучения культуры русского зарубежья, и круг трудов по этой тематике продолжает расширяться и пополняться [11]. Очевидно, со временем отечественная география культуры будет развиваться равномерно и не столь односторонне, как ранее, и ее активная интеграция в системе наук о культуре с философией культуры, социологией культуры, теорией и историей культуры не вызывает сомнения и не представляется избыточной.

Если предметно говорить о работах в области культурологии, исследующих межкультурное сотрудничество Израиля и России, то их практически нет за исключением единственного на сегодняшний день исследования Б. В. Ятвецкого [12], в котором автор раскрыл уникальность российско-израильского культурного диалога, аранжированного сложной многонациональной российской культурой и мозаичной культурой современного Израиля. Последняя аккумулирует богатейшие накопления и созидательный опыт всего еврейского мира от древности до современности и представляет собой сплав множества субкультур различных общин, живущих в Израиле и вне его. Особенный характер культурным связям двух стран, считает автор, придает то, что в них сегодня вовлечены многочисленные соотечественники, связанные общей историей и традициями.

Настоящая статья преследует конкретную цель – дать представление о том, каким образом природно-ландшафтные достопримечательности и памятники истории и культуры Израиля составляют органическую часть русской культуры, когда и как они оказались с ней связаны, в чем их значимость и актуальность в национальном наследии и как они соотносятся и перекликаются в диалоге культур, идейно-философская и художественно-эстетическая близость которых прослеживается в представлениях о мире и человеке, особой миссии и судьбах обеих стран и своеобразном пути, предопределенном для них самой историей.

Народ – это историческая общность, объединенная культурой. Под таким углом зрения идея Второго Иерусалима была не менее значима на Руси, в Московии и в России, чем теория «Москва – Третий Рим». Для русских Палестина издревле – Святая земля, территория веры, открове-

ния, и русская культура со времен крещения сопряжена с библейской историей, христианскими святынями, учением Иисуса Христа и деяниями его ближайших последователей – апостолов, проповедовавших Евангелие и устроющих церковь Христову. Знаменательно, что богомольцев, отправлявшихся в Палестину поклониться Гробу Господню на Руси с XI в. стали называть паломниками – от слова «пальма», поскольку из Иерусалима в подтверждение того, что там побывали, они возвращались с пальмовой ветвью – символом новозаветной мифологии, аллегорически указующим на победу мученика над смертью. Впоследствии тема паломничества займет одно из центральных мест в русской поэзии. Так, этот мотив получил отражение в хрестоматийном стихотворении М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины».

Своеобразным прологом, объясняющим перемещение политической и культурной сердцевины Руси из Киева на северо-восток и приучающим к осознанию богоизбранности владимиристо-суздальского края, было апокрифическое сообщение о предпринятом юным князем Андреем Юрьевичем (сыном Юрия Долгорукого) дальнем путешествии. До 1149 г. его имя почему-то надолго выпадает из летописей. Есть предположение, что юные годы он провел в Иерусалиме, о чем свидетельствует одно из старообрядческих житий Андрея Юрьевича. «Многая лета, – говорится там, – был он в Святой земля в Иерушаломее граде у Святого Гроба в пост и молитве». Возможно, предание о странствии и пребывании в упомянутых в Ветхом и Новом Заветах библейских местах сыграло не последнюю роль в прозвании этого вероподвижника Боголюбским. Есть версия, что агеографически выдержанное повествование о русском князе частично воспроизводит текст о сынах израилевых, а описание освоения и обустройства Андреем Боголюбским ростовско-суздальских земель напоминает деяния Иисуса Навина [7].

Апофеозом культа Святой земли в Московской Руси стал амбициозный проект патриарха Никона, замыслившего в середине XVII в. выстроить Новый Иерусалим. Во второй половине XIX в. появляется еще один Русский Иерусалим – комплекс из четырех монастырей в Задонском уезде Воронежской губернии, особо примечательным среди которых считается Задонский Рождество-Богородицкий монастырь.

Монументальное воплощение на русской земле христианских духовных традиций, подпитывающихся палестинскими святынями, прослеживается и поныне, в чем легко можно убедиться, проехав из Москвы по Новорижскому шоссе до настоящей Русской Палестины в городе Истра. Недавно восстановленный и отреставрированный Новоиерусалимский монастырь с размахом символизирует идею этой преемственности, хотя великолепный Воскресенский собор, задуманный еще три века назад как воспроизведение Храма Гроба Господня на Голгофе, даже отдаленно не похож на оригинал ни общим архитектурным обликом, ни убранством.

В двустороннем направлении

Культурный диалог всегда развивается в двустороннем направлении. И весомое проявление обоюдной духовной связи – внушительное число архитектурных памятников православной культуры на территории совре-

менного Израиля. Среди них наиболее значим построенный в Иерусалиме в конце XIX в. комплекс Русского подворья. Место возведения архитектурного ансамбля Александровского подворья было выбрано генерал-губернатором Москвы великим князем Сергеем Александровичем – первым Председателем Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Эта влиятельная международная организация была основана в 1882 г. по указу императора Александра III. Инициатором благотворительного проекта стал известный российский общественный деятель В. Н. Хитрово. Среди главных целей Общества значились: распространение в России сведений о святых местах Востока; помощь православным паломникам, попечение о местных жителях, поддержка храмов, забота о духовенстве, а также комплексные и отраслевые (исторические, археологические, филологические) научные исследования Святой земли и других стран Библейского региона. Благодаря этой миссии ИППО приобрело уникальное значение в истории отечественной культуры.

В Обществе состояли видные ученые, туда входило немало представителей интеллектуальной элиты того времени, и даже в первые годы советской власти научная жизнь ИППО практически не прерывалась. Знаменательным событием стало издание ИППО «Православного Палестинского сборника» – научного журнала, в котором сотрудничали признанные авторитеты и специалисты, занимавшиеся изучением Святой земли. Трудно переоценить роль филиалов Общества, действующих во всех губерниях России и выполнявших обширную работу по просвещению русского населения, ознакомлению с описаниями путешествий и «хождений» в Палестину, обеспечению информацией о паломнических поездках по святым местам и т. д.

Как известно, далеко не все в истории ИППО было безоблачно. Не обошлось без потерь, которые, к счастью, не оказались невозполнимыми. В 1964 г. решением советского правительства СССР продал государству Израиль по так называемой Апельсиновой сделке все объекты Русского подворья, кроме Свято-Троицкого собора, зданий Русской духовной миссии и Сергиевского подворья. И лишь недавно, 30 декабря 2019 г., в результате длительного и успешно завершившегося переговорного процесса между Москвой и Тель-Авивом с согласия Израиля Александровское подворье было возвращено русской православной церкви.

В состав этого поистине грандиозного комплекса, помимо культовых построек, входят больница и музей, в котором хранятся артефакты, найденные при раскопках. Сердцем ансамбля является домовая церковь, освященная в честь святого Александра Невского. Интерьер храма украшают живописные полотна великих русских художников И. Е. Репина и Н. А. Кошелева, иконы работы В. Пасхина. Главная реликвия подворья – Порог Судных Врат, через которые, по преданию, прошел Иисус Христос по пути на Голгофу.

Восходящие к позапрошлому веку и заложенные с основания ИППО традиции получили развитие в современной России, в подтверждение чему достаточно упомянуть проведенную в Иерусалиме в 2005 г. научно-общественную конференцию «Иерусалим в русской духовной традиции», самую масштабную и представительную зарубежную научную акцию за

всю историю существования ИППО. Вплоть до сегодняшнего дня ИППО играет колоссальную роль в развитии культурного сотрудничества Израиля и России. Именно благодаря энергичным совместным усилиям руководства ИППО во главе с С. В. Степашиным и МИД России с 2008 г. между двумя государствами действует безвизовый режим.

Образ Иерусалима

Среди зарубежных элизиумов, притягательных для русского православного мира, христианские сокровища Палестины, безусловно, в первом ряду, и с XIX в. повелось, что и аристократия, и интеллигенция, и простые мужики и бабы из России прежде всего хотели совершить паломничество в Иерусалим и на Иордань, а потом уж на Сион, Афон или в Константинополь. Столетие за столетием в Палестину устремлялись люди, составлявшие цвет русской культуры: монахи-богословы, священнослужители, ученые, писатели, философы, художники, музыканты, архитекторы. В храмах и монастырях Иерусалима молились Н. В. Гоголь и И. А. Бунин, К. П. Брюллов и В. Д. Поленов, В. С. Соловьев и Ф. А. Голубинский. Любой верующий русский человек считал для себя почетной миссией и долгом поклониться христианским святыням непосредственно на Святой земле. Иерихон, Старый город, Храмовая гора, Вифара, гроты Благовещения и Рождества св. Иоанна Предтечи, храм Рождества Христова в г. Вифлееме и многие другие памятники и мемориальные места неоднократно описаны в русской художественной литературе, запечатлены на картинах русских художников и вошли на равных с киевскими, владимирскими, новгородскими, московскими артефактами в русский культурный обиход, в постоянный кругозор человека.

Образ Иерусалима – «отца городов» является читателю сквозь строки древнейшего сборника восточнославянских народных духовных стихов «Голубиная книга». Этот памятник культуры кон. XV – нач. XVI вв. нашел свое воплощение и в мире живописи: картина Н. Рериха «Голубиная книга» передает зрителям легенду о падении на Палестинскую землю книги Священного писания, а среди сотен пришедших посмотреть на свершившееся чудо выделяются фигуры царя иудейского Давида Евсеевича и христианского князя Владимира.

Тема паломничества в «Святой град» занимает важное место среди поэтических произведений XIX в. Несомненный гений русского поэтического пейзажа И. С. Никитин с лирическим мастерством передает удивительную красоту Палестины в своем стихотворении «Моление о чаше». Еще один наш известный поэт Л. Н. Мей использовал иной, но не менее плодотворный подход: в произведении «Слепорожденный» автор раскрывает образ Восточного края через призму внутренних переживаний событий, волнующих христианскую душу. Иерусалим предстает перед нами как священная земля чудес.

В 1850 г. на праздник пасхи в Иерусалим отправился П. А. Вяземский, называвший Палестину «с детства родственной» ему Святой землей. Свои впечатления от путешествия поэт оставил нам в виде стихотворения «Палестина». Поразительно четко подмечая типичные черты восточного города, паломник будто сравнивает свой родной край с дале-

кой Иудейской землей, выявляя расхожие и общие черты. Эти наблюдения перекликаются с записками в дневнике поэта, на страницах которого Вяземский стремился отразить своеобразие природного и культурного пространства таинственного Востока.

Основатель ИППО В. Н. Хитрово писал об особой духовной связи русской души со Святой землей: «...священные имена: Иерусалима, Иордана, Назарета, Вифлеема... в нашем детском воображении сливаются как-то с родственными для нас именами: Киева, Москвы, Владимира и Новгорода». Эта незримая нить на протяжении веков отзывалась в сердцах наших соотечественников призывом отправиться в далекое странствование, прикоснуться к священным местам Палестинской земли.

Тема культурной связи с Палестиной нашла глубокий отклик в произведениях выдающихся поэтов Серебряного века. Черты «библейстики» отчетливо усматриваются еще в ранних произведениях О. Э. Мандельштама («Отравлен хлеб и воздух выпит...» или «Иосиф, проданный в Египет...»). Эти стихи навеяны сюжетами из Ветхого Завета. Не второстепенное место в творчестве поэта занимает проблема иудаизма. Здесь показательный пример – трактовка истории Иакова, Лии и Рахили. В стихотворении «Эта ночь неповторима...» поэт проживает трагедию еврейского народа как свою собственную.

Сборники произведений хорошо знакомого нам с детства С. Я. Маршак содержат более десяти стихотворений, вдохновленных путешествием на Ближний Восток. Посетив Тверию, Яффо, Назарет и Иерусалим, молодой поэт пишет следующие строки: «Как странно, что поток бурливый – Века, события, племена – Не смысл здесь прошлого... И живы в стране родимой имена Священных мест».

Русская культура откликнулась на вдруг материализовавшийся перед глазами знойно-голубой мираж Иудеи словом своих лучших поэтов и прозаиков, кистью величайших живописцев. Пожалуй, особенно чутко и тонко воспринял и передал эстетику Святой земли как гения места паломник И. А. Бунин. Гибкий бунинский текст вдруг твердеет и приобретает застывшую четкость гравюры: «Это именно здесь, в одной из этих котловин, – пишет он, – взял посох свой в руку свою Давид и выбрал пять гладких камней из ручья и поразил Голиафа». При виде Иерусалима писатель вспоминает, что Давид отозвался об этом городе как об одном здании, и подтверждает правоту иудейского царя: «И правда: как одно здание, лежит он подо мною, весь в каменных купольчиках, опрокинутыми чашами раскиданных по уступам его сплошной кровли, озаренный низким солнцем. Первобытно-простой по цвету, первобытно-грубый по кладке, без единого деревца, – только одна старая высокая пальма на южной стороне, – он весь заключен в зубчатую толщу стен и кажется несокрушимым. Он, воспетый Давидом и Соломоном, некогда блиставший золотом и мрамором, окруженный садами Песни Песней, ныне возвратился к аравийской патриархальной нищете... За стеной домов, над водоемом, лежащим подо мною, два... рубчатых черно-синих купола. Это главы тяжких, вросших в землю храмов над Гробом и Голгофой... А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи черных стрижей верезжат и носятся над этой каменной стариною. Солнце опускается, в

темных норах и переходах, скрытых кровлею города, в грязных базарных рядах замирают шум и говор торга... Боже, неужели это правда, что вот именно здесь был распят Иисус? И неужели это над Его гробом блещет теперь в полумраке византийских сводов и подземелий жуткое великолепие несметных лампад, огромных погребальных свечей, золота и драгоценных камней, стоит бальзамический дым ладана, запах воска, кипариса, розовой воды!» [3, с. 59, 61]. Апокрифическая проза Бунина наполняет гордостью за Россию, за русский язык. И ведь эта удивительная изобразительная сила свойственна не только гению-очевидцу, реально побывавшему в Израиле, но и другому мастеру – М. А. Булгакову, который в Палестине никогда не был, но создал книгу, превосходящую топографической точностью и остротой душевного зрения любой самый подробный путеводитель.

Эстетическая соразмерность

Совершенству словесной живописи русских классиков, посвященной обетованной земле Иисуса, не уступает собственно живопись. Одним из ярчайших примеров служит творчество М. Н. Воробьева. В 1820 г. в составе государственной дипломатической миссии художник совершил путешествие на Ближний Восток с особым поручением – собрать точные сведения относительно видов и планов чтимых христианами мест Палестины (эти данные были нужны для работ по восстановлению Новоиерусалимского монастыря под Москвой.) Результатом этой поездки стал целый цикл зарисовок, в которых художник с документальной точностью отразил облик и параметры святынь города трех религий. Особую известность получили картины «Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме», «Внутренний вид церкви на Голгофе в Иерусалиме», пейзажные виды Иерусалима и Мертвого моря.

В своем стремлении глубже понять природу христианского учения мастер пейзажной живописи В. Д. Поленов дважды совершал путешествие на Ближний Восток. Этот опыт общения с библейскими местами нашел отражение в «евангельском цикле», самым монументальным шедевром которого стала знаменитая картина «Христос и грешница». В рамках общего реалистического направления в изобразительном искусстве своего времени Поленов стремился с наибольшей полнотой и точностью передать уникальность исторического ландшафта «земли обетованной». Работая над циклом палестинских пейзажей, художник усердно собирал археологические и этнографические данные, знакомился с повседневностью и бытом жителей Востока.

Серия картин М. Шагала «Скрипач» (изображения музыканта, играющего стоя на крыше) стала знаковой. В этих сюрреалистических фресках аллегорически перекликаются русская мощь подлинности и эстетически ей соразмерная еврейская фантазийность, наведена резкость в синхроны, образы, идеи, мотивы, нюансы, оттенки, пересекающиеся в двух культурах. Еврейское происхождение художника-авангардиста, религиозное образование, полученное им в строго соблюдающей традиции иудаизма семье, обострили его чувство национального духовного мира. Уже при мимолетном взгляде на картины «Суббота», «Праздник ку-

щей (Суккот)», «Молящийся еврей (Раввин Витебска)», «Одиночество» зрителю передается атмосфера особой родственной связи между художником и изображаемым им миром, его глубокое понимание смысла передаваемых сюжетов, а оптические иллюзии шагаловских творений неизъяснимо, но совершенно определенно сообщают ей свойства эпоса.

Русская живопись, фиксирующая библейские пейзажи и сцены, дополнялась обильной публицистикой с бойкими и подробными отчетами об увиденных местах, памятниках и реликтах. И весь этот поток газетно-журнальной и брошюрно-книжной информации оседал в подсознании простого человека, откладывался во внутренней панораме его бытия даже более отчетливо, чем высокий слог литературных классиков или образы признанных корифеев изобразительного искусства. Массовая культура хорошо усваивается, потому что узнаваемо, понятно и доступно доносит и воспроизводит окружающее, и средний человек охотно и благодарно пробавляется симулякрами и штампами, принимая и потребляя их как многократный отпечаток жизни. Сегодняшняя массовая культура – важный посредник между людьми и народами. Оказавшийся в Израиле русский человек так или иначе попадает в давно раскрученное коммерческое колесо, в поле под названием «туристический кластер», в который заложены и маршруты экскурсий, и фотосессии на фоне того-сего, и сувенирно-буклетное отоваривание в колоритных развалах со всякой всячиной – от магнитиков и брелоков до разных размеров и степеней стилизации копий музейных шедевров.

В условиях дружественного сотрудничества

Известная сегодня концепция бикультурной идентичности, базирующаяся на использовании языка, ценностных ориентиров, выборе друзей, предпочтений в СМИ и т. д. [1, с.3; 13], убедительно подтверждается обширным материалом. Так, популярная писательница Дина Рубина, родившаяся и выросшая в СССР и переехавшая в Израиль – отечество своих предков в 1990 г., буквально из личного опыта, из самой жизни извлекает множество наблюдений, впечатлений, психологических зарисовок, складывающихся в художественно поданный бикультурный сплав, в котором проступает, как выражается сама автор, «странный гибрид другого измерения, влачащий за собою длинный шлейф инословных теней» [9, с. 27]. Фактически речь идет о состоянии одновременного и полноценного владения двумя и более культурами, и в книгах Рубиной (например, в сборнике рассказов «Альт перелетный» [8]) продемонстрировано реальное совмещение бытовых и профессиональных форм культуры. Герои Рубиной, как и она сама, выступают носителями дуального самосознания. Разумеется, эти две линии не сливаются, как остаются лингвистически суверенными русский язык и иврит. Писатель как раз подчеркивает бессилие выразить те семантические моменты и оттенки, которые не укладываются в буквальный перевод и означают на одном языке совсем иное, чем на другом, что обусловлено разным наполнением смысла и «ассоциативных пахучих воображения» [9, с. 26].

Фантазмагория, которую сплетает бикультурная идентичность, позволяет Рубиной использовать богатые палитры обеих культур. В совре-

менном масскультурном пространстве ее произведения входят в первую строку наиболее востребованных. Их образность, метафоричность, интонационная полифония обретают самые неожиданные контексты, как, например, говорящее само за себя описание Иерусалима: «И вот небо над крышами старого дома напротив становится цвета яблочной кожуры; над коньком крыши всплывает – в зависимости от недели месяца – либо турецкая тувелька, либо полнолунный диск, либо обсосанный кусок колотого сахара... Потом небеса густеют и неудержимо сливаются с цветом синих железных ставней, а сам дом начинает светиться и таять, как кубик рафинада в стакане чая. Зажигаются фонари, и в этом театрально-желтом свете передо мной туда-сюда шляются туристы, влюбленные парочки, несколько городских сумасшедших, знаменитый одноногий нищий на костыле по кличке Капитан Сильвер, чокнутый русский юморист Юлиан Безродный в майке и трусах, дети, наперсточники, чинные религиозные семьи, юные обалдуи и юркие карманники... Если долго сидеть, то в какой-то момент начинает казаться, что ты присутствуешь на репетиции некой пьесы и придирчивый режиссер без конца гоняет по просцениуму одну и ту же массовку» [10, с. 2]. Среди этих сцеплений и связей доминирует романтико-реалистическая традиция русской классики, которая солирует у Рубиной точно так же, как в картинах М. Шагала русская ярмарочно-балаганная, сродни народному лубку транскрипция библейских мотивов преобладает над еврейской мистикой, экспрессивностью и пластикой. Показательно, что в глазах Рубиной скромная природа средней полосы России не менее живописна, чем райская растительность, красочная синь неба и румяные Иудейские горы.

Художественные тексты нередко в меньшей степени, чем научные, грешат так называемыми метакогнитивными искажениями, т.е., проще говоря, сомнительными формулировками, ошибочными, заведомо неверными подходами к тому или иному явлению, зато привлекают конструктивной организацией материала и оптимальной семантикой при его толковании. Так, путевая проза А. А. Гениса в этом плане точнее и тоньше передает многие важные оттенки и нюансы, которым профессиональные культурологи или социологи вообще не придают значения, в результате идентитет русских и евреев в писательской интерпретации конкретизирован цепочкой убедительных примеров, предметно иллюстрирующих, как индивидуальные и коллективные сущности одной и другой нации локально связываются, отождествляются с ценностным рядом, заданным историей, географией, и откладываются в культуре. Ученые только примериваются к бикультурной идентичности, а автор книги «Гость туда и обратно» свободно оперирует материалом, не скованный ни теориями, ни концепциями, но культурфилософская наукоемкость его текста несомненна, в подтверждение чего ниже приведена подборка цитат: «В каждой части света я ищущу то, чего мне не хватает. На Востоке – бога или то, что там его заменяет. В Японии – красоту, в Китае – мудрость, в Индии – слонов, в Израиле все сразу»; «Бог создал евреев... чтобы человек не заносился, а задумался»; «...в Израиле всегда непросто. С одной стороны, тебя понимают больше, чем хотелось бы, – когда ляпнешь что-нибудь категорически не предназначенное для чужих, но род-

ных ушей соотечественников. С другой, иврит, внушающий, как и положено, священный трепет. Слушая, как на нем болтают по телефону, я думал о том, что на этом же языке говорили первосвященники и цари, скажем Давид с Соломоном»; «Каждый раз, когда я попадаю в Иерусалим, меня охватывает стыд за маловерие. Я не знаю здешних богов, хотя не отрицаю их присутствие. Не в силах сопротивляться напору благодати, которая доверху заполняет квадратную милю Старого города, я не могу найти ее источник, что не мешает мне им пользоваться. Особенно у Стены Плача, которая, как у Кафки, исправно служит почтовым отделением божественной канцелярии. Прагматизм этой односторонней (но только на мой скептический взгляд) переписки объясняется просто.

– Бог, – говорят здешние, – конечно, всюду, но отсюда к Нему чуть ближе...

Я... стоя у Стены, еще раз поразился Израилю, который притворяется обыкновенной страной. “Макдоналдс”, кругом загорают, иногда – без лифчиков. Но подо всем этим, будто магма, прячется миф, сделавший ее, страну, возможной» [4, с.4, 361, 365, 368–369].

Преимущество словесной палитры писателя – точность обозначения вещей. В науке такие краски, как изобразительное средство, – всегда дефицит и редкость. Если же мысль не обрела ясность, она не поддается внятному изложению и в письменном варианте еще более, чем в устном, топорщится и отвращает косноязычием, заставляя читателя переспросить себя, что же автор имел в виду и есть ли вообще какой-то смысл в этом скомпонованном с трудом и натугой наборе слов.

Особый характер российско-израильскому диалогу придают во многом аналогичные культурные паттерны. Сюда можно отнести приоритетные ценности, религиозные универсалии и каноны, эстетические предпочтения, сложившиеся традиции, нормы, порядки и т.д. И, разумеется, обе стороны существенно сближает демографическая полихромия: многонациональный облик России и не менее пестрый этно-калейдоскоп современного Израйля.

Конституирующие культурное пространство двух стран составляющие не так уж далеко отстоят друг от друга. Безусловно, культурно объединяет Россию и Израиль «коммунальная» психология: схожие коллективистские установки, воплощенные русскими в самоуправляемые общины, советы и т.д., а евреями – в кагалы и кибуцы. И там и там прослеживаются предрасположенность к фундаменталистским и ортодоксальным формам общественного устройства, к строгой системе регламентации в центре и на местах. И, пожалуй, такие типичные, отмеченные Н. А. Бердяевым устойчивые свойства русской души, как «догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры» [2, с. 8–9] без труда распознаются и у евреев. Изучение понятийных когний – совокупностей ментальных процессов, с помощью которых при параллельном включении архетипических моделей, семантических ассоциаций и реминисценций происходят обработка и трансформация информации нашим сознанием, представляется применительно к российско-израильскому диалогу культур актуальным и достойным специального исследования.

Окно возможностей

По количеству потрясений, глобальных катаклизмов, понесенных жертв, которые приходится на душу населения, обе нации многократно испытаны историей на прочность и выживаемость. У тех и других есть похожие крайности вроде сочетания долготерпения с запальчивостью, эмоциональности с хладнокровием или дерзости с подобострастием. Космос русской ментальности, обозначенный Д. Б. Дондуреем, вполне приложим к израильтянам, ибо тоже «соединяет несоединяемое: способен быть беспредельно пластичным и одновременно сверхжестким... Культура в какой-то одной ситуации... заморозит, обесточит опасные для себя убеждения, но в то же время в другой (в самый последний момент) найдет историческое “окно возможностей”, чтобы опрокинуть любые авторитарные схемы, наполнить воздухом легкие национальной жизни» [5, с. 406].

Велико значение того фактора, что в период формирования нового государства значительный пласт его общества составляли бывшие граждане Советского Союза. Примечательно, что русскоязычная литература все еще занимает прочное место в массовой культуре Израиля. Уже более десяти лет в стране издается журнал «Русское литературное эхо», объединяющий израильских деятелей искусства, которые все еще мыслят по-русски, из-за чего не только не комплексуют, а, наоборот, видят в этом свое преимущество. По сути, здесь имеет место уникальное культурное явление эпохи, когда русский турист приезжает на территорию далекой страны, где, по словам израильского писателя Д. Маркиша, «каждый пятый гражданин как бы “свой”» [14]. Возможно, этим тоже отчасти обусловлен возрастающий интерес современного россиянина к израильской культуре.

Словом, есть все основания говорить об активном развитии и укреплении культурных связей между Израилем и Россией на современном этапе. Большую роль в продвижении этого межкультурного диалога играют различные молодежные клубы, образовательные организации и фонды. Крупнейшими в этой сфере являются культурно-просветительские проекты для еврейской молодежи «Таглит» и «МАСА» («Путешествие»), полевые школы и конференции центра «Сефер». Еврейский музей и Центр толерантности систематически проводят образовательные лекции, посвященные самым разнообразным аспектам еврейской культуры.

На сайте израильского посольства в России регулярно публикуется информация о совместных культурных мероприятиях. Одно из них – выставка в Москве в феврале 2020 г. работ известного художника-постмодерниста Д. Герштейна «Витамин 3D». Показательно, что синхронно с днем открытия выставки в Тель-Авиве начался крупный фестиваль русской культуры M.ART, главная цель которого состояла в том, чтобы познакомить жителей Израиля с русским драматическим искусством, оперой, балетом, современным танцем, музыкой и кинематографом.

Столица России, в свою очередь, уже на протяжении многих лет радужно и заинтересованно принимает израильские театральные труппы. К примеру, гастроль старейшего репертуарного театра «Габима» – долгожданное событие для множества московских зрителей. Активно развивается сотрудничество театральных фестивалей «Золотая маска» и «Гешер», результатами которого становятся ежегодные масштабные совместные

проекты. Российские экран и сцена открыты для Израиля, а для РФ традиционными мероприятиями стали фестивали израильского кино, выступления музыкальных ансамблей, проведение выставок и биеннале израильских художников и фотографов, вечеров еврейской поэзии и литературы. С 2004 г. реализуется крупный проект «Эшколь – современная израильская и еврейская культура в Москве», благодаря которому состоялось более ста мероприятий – от камерных литературных чтений до грандиозных концертов, кулинарных шоу, фестивалей современного танца, творческих мастер-классов, научно-практических конференций, экскурсий, лекций по иудаике и еврейской истории. С 2015 г. на нескольких культурных площадках нашей столицы в рамках Московского еврейского кинофестиваля ежегодно проводятся показы израильского кино.

Не менее важную роль в сотрудничестве России и Израиля играет и культурная столица на Неве. Израильский культурный центр в Санкт-Петербурге регулярно организует образовательные семинары и экскурсии, встречи с известными израильскими деятелями культуры и искусства, тематические праздники и выставки. Подобные мероприятия не ограничиваются только столичными мегаполисами, но проводятся и в других городах России. Так, в 2019 г. в Архангельске состоялся фестиваль «Дни культуры Израиля», а в Великом Новгороде был организован фестиваль израильского кино.

Современное информационное общество немислимо без электронных ресурсов, онлайн-групп и социальных сетей. Эта коммуникационная инфраструктура занимает важное место в системе несущих звеньев и элементов виртуальной части культурного моста, налаженного между Израилем и Россией. Постиндустриальная реальность невероятно раздвинула и расширила возможности общения. Благодаря дистантным формам контактов разделенность в пространстве и времени сейчас не препятствие, о чем свидетельствуют востребованность услуг Глобального еврейского онлайн центра Jewish.ru или интернет-платформы Booknik.ru, предлагающих русскоязычным интернет-пользователям необычайно пестрый набор информации по теме традиционной и современной еврейской культуры. Этот штрих-пунктирно обозначенный ряд параллелей и ассоциаций, безусловно, может быть пополнен и продолжен.

Культурная близость России и Израиля не всегда очевидна. В силу ряда исторических и политических причин существовали внутренние и внешние негативные факторы, приводившие к разногласиям, конфликтам, неприязненным отношениям и коллизиям между странами. В последние десятилетия наладился стабильный российско-израильский диалог, действует безвизовый режим, и на смену прежней конфронтации советских времен пришли взаимопонимание, готовность к компромиссам, сглаживанию возникающих противоречий и обоюдно выгодным соглашениям. Ни отдельные рецидивы антисемитских настроений в России, ни точечные проявления русофобии в Израиле не служат помехой мирным и конструктивным контактам. При всех религиозно-ментальных особенностях, отличиях в образе жизни и т.п. элементы чужеродности и расхождения смягчены и сбалансированы базовыми общечеловеческими интересами, во многом вытекающими из той ставшей реально-

стью практики, что значительная группа подданных Израиля в недавнем прошлом и в настоящем – граждане России. То, что обе страны развиваются в русле традиционного общества, – также значимая предпосылка для нормальных отношений между государствами и народами. У России и Израиля открыты границы и горизонты для межкультурной коммуникации и партнерства. Взаимодействие в сфере литературы и искусства, научные связи, неисчислимые потери и общий горький опыт во Второй мировой войне – надежная почва для укрепления двухсторонних отношений, и язык культуры с сопутствующими ассоциациями, ментальными совпадениями, отсылками к однородным ценностям и нормам – апробированный путь дальнейшего расширения культурного пространства как на официальном, так и не на официальном уровнях.

Культуры – сообщающиеся сосуды, их диалог в пространстве и времени принимает разные формы, конфигурации, выливается в прямые и переносные смыслы. Культурный мост, некогда воздвигнутый между Древней Русью и Палестиной, благодаря современному воздушному сообщению и возможностям новейших технологий привлекает в разы превосходящий прежний человекопоток. Любая деловая поездка, не говоря о целенаправленном паломничестве, так или иначе включает культурную программу и оборачивается в разной степени реализованной межкультурной коммуникацией, в которой история и современность присутствуют примерно в равных долях.

Заключение

Итак, приведенный выше материал свидетельствует о том, что культуры России и Израиля – во многом сообщающиеся сосуды. Точки сближения между двумя странами наметились с давних времен, и тенденция такова, что и без того немалый спектр совпадающих признаков продолжает прогрессировать, тем более что оба народа, образно говоря, пасут в общем-то однотипных священных коров. Целый ряд важных составляющих и компонентов в этом диалоге культур сегодня определяют основные линии российско-израильской культурной географии и бикультурной идентичности, и это в первую очередь – совместимость мышления и бытия, готовность к общению на основе толерантности, уважения, взаимопомощи, милосердия, учета национально-религиозных особенностей друг друга, сходного институционального потенциала.

Израиль для России перестал быть тем эвентуально враждебным иностранным государством, каким был исторически недавно, каких-нибудь пятьдесят лет назад, для Советского Союза. Сегодня российско-израильский диалог воплощен в инвестициях, туризме, совместных медицинских проектах, разностороннем бизнесе. В наших торговых сетях в порядке вещей израильская косметика, парфюмерия, не говоря уж о продуктах питания, в том числе овощах и фруктах из искусственных оазисов и теплиц и грядок в песках пустыни Аравы.

По-видимому, не будет преувеличением утверждать, что в присущем как России, так и Израилю делении на «своих» и «чужих» отношения двух давно связанных друг с другом народов утратили барьеры и развиваются ровно и гладко. Конечно, Россия остается Россией, а Израиль –

Израилем, но былая противоположность идейных установок, духовных идеалов и ориентиров явно смягчена. Если прежде главный источник взаимного недоверия заключался в том, что одна сторона усматривала в другой опасную силу, посягающую на ее право на уникальность или претендующую на продвижение глубоко чуждых ценностей и нравственных убеждений, то сейчас в условиях активного сотрудничества и в режиме открытых границ эти препятствия в значительной мере отошли в прошлое и отторгнуты, хотя и дают о себе знать в форме каких-то внутренних, недекларируемых подозрений и субъективных и нередко предвзятых, граничащих с предрассудками, но пока что устойчивых мнений, будто существуют разного рода риски и угрозы, о которых в целях обеспечения национальной безопасности и сохранения культурного суверенитета забывать не следует.

Сквозь описанный выше диалоговый ресурс проступают хорошие перспективы российско-израильского культурообмена во всем многообразии толкования понятия «культура». Изложенное позволяет прогнозировать, что в ближайшей перспективе появится еще одно ответвление науки о культуре – культурная геополитика, актуальность которой не вызывает сомнения, т.к. в условиях глобализации и развития интеграционных процессов при распределении сфер влияния в современном мире не последнюю роль будут играть именно культурные стратегии.

Литература

1. *Арутюнов С.А.* Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3–14.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
3. *Бунин И.А.* Иудея // Бунин И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 4: Произведения 1907–1924. М.: Московский рабочий, 1995. С. 57–65.
4. *Генис А.А.* Гость туда и обратно. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018.
5. *Дондурей Д.Б.* Смысловики могущественнее политиков // Дондурей Д.Б. На встречу. М.: Искусство кино, Подписные издания, 2019.
6. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
7. *Морозов С.В.* Святой Грааль и Ковчег Завета как главная святыня России. Иисус Навин и Андрей Боголюбский // Тайнам нет. URL: <https://tainam.net/svyatoy-graal-i-kovcheg-zaveta-kak-glavnaya-svyatyinya-rossii-iisus-navin-i-andrey-bogolyubskiy>.
8. *Рубина Д.* Альт перелетный. М.: Эксмо, 2007.
9. *Рубина Д.* Последний кабан из лесов Понтеведра. М.: Эксмо, 2017.
10. *Рубина Д.* Сквозь сеточку шляпы (сборник). М.: Эксмо, 2017.
11. *Соловьев В.М.* Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья: Одиссея длиною в век. М.: ЛЕНАНД, 2016.
12. *Ятвецкий Б.В.* Развитие межкультурного сотрудничества Израиля и России: конец XX – начало XXI века: автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. канд. культурологии. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2012.
13. *Benet-Martínez V., Haritatos J.* Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents // Journal of Personality. 2005. No. 73 (4). P. 1015–1049.

14. Рубина, Иlichevский, Маркиш, Юдсон, Шехтер – о русскоязычной израильской литературе // Лабиринт. URL: <https://www.labyrinth.ru/now/o-russkoyazychnoy-izraelskoy-literature-mamedov>.

Kotsar, Anastasia O., Solovyov, Vladimir M.
Russia – Israel: cultural parallels and associations

References

1. Arutyunov, S.A. (1978), Bilingvizm i bikul'turalizm [Bilingualism and biculturalism], in: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 2, pp. 3–14.
2. Berdyayev, N.A. (1990), *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism], Nauka, Moscow.
3. Bunin, I.A. (1995), Iudeya [Judea], in: Bunin, I.A., *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh, tom 4: Proizvedeniya 1907–1924* [Collected works in 8 vols, vol. 4: Works 1907–1924], Moskovskiy rabochiy, Moscow, pp. 57–65.
4. Genis, A.A. (2018), *Gost' tuda i obratno* [Guest there and here], AST, Redaktsiya Yeleny Shubinoi, Moscow.
5. Dondurey, D.B. (2019), Smysloviki mogushchestvenneye politikov [Meaning makers are more powerful than politicians], in: Dondurey, D.B. *Navstrechu* [Towards], Iskustvo kino, Podpisnyye izdaniya, Moscow.
6. Kalutskov, V.N. (2008), *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography], Novyy khronograf, Moscow.
7. Morozov, S.V. (2017), Svyatoy Graal' i Kovcheg Zaveta kak glavnyaya svyatynya Rossii. Iisus Navin i Andrey Bogolyubskiy [The Holy Grail and the Ark of the Covenant as the main shrine of Russia. Joshua and Andrey Bogolyubsky], in: *Taynam net* [No Mysteries], URL: <https://tainam.net/svyatoy-graal-i-kovcheg-zaveta-kak-glavnaya-svyatyinya-rossii-iisus-navin-i-andrey-bogolyubskiy>.
8. Rubina, D. (2007), *Al't pereletnyy* [Migratory alt], Eksmo, Moscow.
9. Rubina, D. (2017), *Posledniy kaban iz lesov Pontevedra* [The last wild boar from the forests of Pontevedra], Eksmo, Moscow.
10. Rubina, D. (2017), *Skvoz' setochku shlyapy (sbornik)* [Through the mesh of a hat (collection)], Eksmo, Moscow.
11. Solovyov, V.M. (2016), *Tri volny emigratsii. Khronika Russkogo zarubezh'ya: Odisseya dlinoyu v vek* [Three waves of emigration. Chronicle of the Russian diaspora: a century-long Odyssey], LENAND, Moscow.
12. Yatvetskiy, B.V. (2012), *The development of intercultural cooperation between Israel and Russia: late 20 – early 21 centuries*, abstract of Ph.D. dissertation, culturology, St. Petersburg State University of Culture and Arts, St. Petersburg.
13. Benet-Martinez, V., and Haritatos, J. (2005), Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents, in: *Journal of Personality*, no. 73 (4), pp. 1015–1049.
14. Rubina, Ilichevskiy, Markish, Yudson, Shekhter – o russkoyazychnoy izrail'skoy literature [Rubina, Ilichevsky, Markish, Yudson, Shekhter about the Russian-language Israeli literature], in: *Labirint* [Labyrinth], URL: <https://www.labyrinth.ru/now/o-russkoyazychnoy-izraelskoy-literature-mamedov>.